

ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

третья книга

РАТИБОР И ОДА

СЕРГЕЙ SKOLORUSSOV

16+

Сергей Skolorussov

Ратибор и Ода. Третья книга

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42696675

SelfPub; 2019

Аннотация

Последняя книга трилогии о любви двух исторических личностей, живших на рубеже 7-8 веков. Ратибор и Ода являются родоначальниками известных саксонских, ободритских, вагирских, датских, шведских и фризских династий. Малоизвестная история их яркой, необычайной жизни и любви достойна того, чтобы о ней помнили и знали. Прототип шекспировского Гамлета датский принц Амлед был праправнуком этой влюблённой пары (ветвь Яруты). Исторический сюжет судьбы Ратибора и Оды, на мой взгляд, даже более увлекательный, чем у их потомка, историю которого прославил сам Шекспир. Они пережили в своей жизни многое такое, что «и не снилось нашим мудрецам».

Содержание

Книга третья	4
Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	35
Глава 6	42
Глава 7	46
Глава 8	48
Глава 9	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Книга третья

«Тогда Ивар сердито ответил Хрёреку, что точно не знает, как с ним поступили Хельги и Ауд, но у всех на устах, будто Харальд – это сын конунга Хельги. Что у него черты примерно такие, как и у мальчика, и потому он счёл обязанным известить его об этой измене, и сказал, что ему не нравится, что они оба владеют ею:

– И я предпочёл бы, чтобы ты отдал её твоему брату, чем так будет продолжаться и дальше, раз уж ты не смеешь отомстить».

Сага о некоторых древних датских и шведских конунгах

Часть первая

Глава 1

Прошёл год. Это был тяжёлый год для Вальдира во всех отношениях. Чтобы отвлечься от сердечных переживаний, связанных с разлукой он погрузился с головой в работу. А работы было непочатый край. Дело в том, что ярлства, как такового, в том месте, куда Ивар сослал Вальдира, никогда и не было. Речь идёт о Ходово¹. Здесь вообще никогда не правили ни конунги, ни ярлы, ни херсиры. Население этих территориях, которыми стал править бывший берсерк, было в основном вендским. При этом заправляли всем лютичи². Вернее, купцы лютичей. С глубокой древности они заправляли всей торговлей в Вендском³ море. При этом основные торговые пути лютичей шли через проливы между Данией и Скандзой⁴. Полвека назад набравшие силу скандинавские

¹ Хедебю в скандинавской транскрипции. Название Ходово произошло от «ход» – проход, волок

² Мощный западнославянский союз племён, известный также, как вильцы, велеты, велетабы. В основном владели землями между Одером и Эльбой на территории современной Германии

³ Старое название Балтийского моря

⁴ Одно из старинных названий Скандинавского полуострова

конунги стали взимать с вендских купцов десятину за проход через эти проливы. Поэтому ушлые лютичи устроили волок у основания полуострова данов. Он начинался от узкого и длинного залива Вендского моря. Этот залив даны так и звали – Шлей⁵. А порт, стоявший с незапамятных времён в заливе скандинавы называли Шлезвиг⁶. При строительстве волока недалеко от Шлезвига был сооружён новый торговый порт – Ходово. Он и стал главным городом территорий, прилегающих к волоку. Далее от Ходово через каналы, реки и ручьи волок выходил в реку Одра⁷, названную так в память о великой реке, в устье которой находился главный торговый город всех лютичей Волян⁸. Когда пятнадцать лет назад Ивар двинулся походом на вагров, купцы Ходово уговорили его не разорять их город и торговые фактории, расположенные по волоку из Вендского моря в Северное. Конунг согласился, наложив на жителей Ходово дань. Она была значительной, но зато с этих пор купцы лютичей перестали облагаться пошлиной при проходе через Датские проливы. Зна-

⁵ Что означало «Славянский»

⁶ Славянский порт

⁷ Современная река Эйдер (Айдар), впадающая в Северное море у основания Ютландского полуострова

⁸ Легендарный город балтийских славян, известного ещё как Юлин. Латинские хронисты называли его крупнейшим городом Европы. Находился в устье Одры (Одера), ныне разделяющего Польшу и Германию. Второе название у города появилось из-за того, что на его главной площади стоял высокий обелиск с проржавевшим копьём, якобы отобранный предками лютичей у самого Юлия Цезаря

чение волока после этого резко снизилось. Вместо трудоёмкого протаскивания кораблей по канавам и ручьям, теперь можно было спокойно проплыть через пролив, разделяющий Данию и Скандзу. Фактории и торговый город быстро захирели. Всё пришло в упадок. Дань Ивару уже не выплачивалась в течение последних трёх лет. Местные жители, даже сняв последние портки, не смогли бы этого сделать. Поэтому Вальдира они встретили в штыки. Для них это была новая обуза. И не просто обуза, а символ рабства. Они, вполне естественно, ожидали увеличения податей. Теперь им необходимо было платить не только конунгу свеев и данов, но и ярлу, поставленному над ними. Венды Ходово всегда считали себя свободными людьми. Своих посадников они выбирали себе на ежегодном вече, выкрикивая имена претендентов. Никогда до этого ими не управлял человек, присланный со стороны. Новоиспечённому ярлу пришлось несладко. В первое время он неоднократно чувствовал на себе взгляды людей, готовых его убить. И быть бы смертоубийству, но Вальдир собрал вече, на котором предложил выход. Тот, кто не имел денег заплатить дань конунгу, теперь мог отработать свой долг на общественных работах. Вальдир так закончил свою речь: «Если кто-то не согласен, то может меня убить и дальше не платить Ивару ни гроша. Но знайте, что конунг ничего не забывает. Он придёт сюда и заберёт всё сам. Тот, кто не платит – станет рабом». Это был реальный выход. Всем пришлось согласиться.

Едва сошёл снег – закипела работа. Ярл не жалел никого, заставляя отрабатывать задолженность сполна. Ленивых он наглядно порол. Работящих поощрял всем, чем можно. Сам трудился с ночи до зари, как говорится, не разгибая спины. У всех это вызывало уважение и являлось прекрасным примером и даже стимулом для хорошей работы. К зиме «ямка» для волока превратилась в неглубокий канал, по которому легко можно было тащить за канаты перегруженные купеческие корабли. В начале и в конце, а также в центре волока были выстроены крепости, в которых были сооружены склады для хранения товаров. В середине этого пути ярл возвел ворота. Через них теперь за деньги пропускали «сухопутных» купцов, караваны которых сновали через перешеек в Данию и обратно. По расчётам Вальдира благоустройство удобного и безопасного волока способно было оживить Ходово. Он надеялся, что его труды вернутся дополнительными доходами, которые покроют задолженность перед конунгом и дадут самому ярлу возможность заняться исполнением собственных планов. А пока, не только не получив от этого назначения каких-либо средств на пропитание, но и спустив все те деньги, что он накопил в Бьёркё, Вальдир отметил годовщину своего правления в простой срубленной избе, которая выглядела убого на фоне богатых купеческих хором.

В этот день он пришёл поздно. На пороге его встретил подвыпивший Барри:

– Сир, наконец, вы вернулись. Я устал разогревать, – Бар-

ри пьяно улыбнулся.

– Но не устал разогреваться. Что-то ты, друг мой, в последнее время стал в этом деле особое усердие проявлять.

– Сир, а что мне ещё делать? В моих руках всегда хоть что-то должно быть. Так я устроен. Я должен деньги в руках держать! В этом суть моя. Но денег у нас – пфи! – произнося это «пфи», он пьяно выдал веер брызг. – Раз денег нет, в руках кружку с пивом я держу.

– Ты же монах. У христиан в это время пост, я слышал. Вино пить запрещено.

Барри засмеялся:

– Так-то: вино. Вино не пью. Пост соблюдаю. А это пиво.

– Какая разница?

– Большая! Про пиво в Святом Писании не сказано ни слова. Только про вино.

– Хитрец. Из любого выпутаешься узелка.

– Ещё какой хитрец! – донеслось из глубины избы.

– Ты не один?

– Я же не пьяница, чтобы пить самому с собой. Мне компания нужна. Это Штирлиц, мой друг.

Вальдир вошёл в светёлку, где лучина высветила лицо гостя. Это был крепкий молодой мужчина, лет тридцати. По виду – венд. Он вышел из-за стола навстречу ярлу и по-простому протянул руку для рукопожатия:

– Он врёт. Я Стирлич, а не Штирлиц.

– Почему вру? Так и говорю – Штирлиц.

Гость махнул рукой:

– Весь вечер я его учу правильно моё имя говорить. Всё бесполезно. Есть река Стир, – затряс он щепотку пальцев перед носом монаха, – где я родился. Поэтому здесь меня прозвали Стирлич. Стир впадает в Лабу, почти в устье этой большой реки.

– «В Лабу» – это они так Эльбу называют, сир, – пьяно пояснил Барри.

– Я знаю. Я хочу с купцами сходить в Бардовик⁹, ты там был?

– Был. Богатый город вендов, – Стирлич не стал развивать сторонние темы, переключившись на личность ярла: – Рад нашему знакомству. Наслышан о вас, князь.

– Всё никак не могу привыкнуть, что я для вендов князь. А ты кто?

– Я шут гороховый, бродячий музыкант, перекасти-поле. Как успел уже меня назвать мой друг, зовут меня здесь Стирлич. Но родители мне имя Небойша дали.

Барри удивился:

– Что за жуткое имя? Небоя-сча.

– Это имя – «бесстрашный» означает.

– И чем ты, Небойша занимаешься?

– Много чем.

⁹ Богатый древний город в нижнем течении Эльбы. Разрушен до основания в 1189 году герцогом Саксонии и Баварии Генрихом Львом. Падению Бардовика, по мнению современных историков, обязан своему процветанию Гамбург

Подвыпивший Барри, закончив с сервировкой, не удержался и надавил «жёстким» голосом:

– Отвечай, раб, когда тебя ярл спрашивает!

Стирлич не обиделся на «раба», он в той же дружелюбной тональности поведал о своей профессии:

– Я сопровождаю мудрого старца, который многое знает и делится своими знаниями с другими. Я играю на гусях, дуде и погремушках, чтобы слушателям было не так скучно, – он улыбнулся и добавил: – И чтобы мой мудрец не засыпал.

Ярл приступил к своей нехитрой трапезе, состоявшей из куска говядины на ребре, каши и луковицы. Между делом он попросил:

– Приведи завтра вечером его сюда. Хочу с ним пообщаться, как его зовут?

– Зовут Вратиславом, а величают Бояном. Всё сделаю, князь.

– Князь, тьфу-ты заразил, сир, вы доели?

– Да. А что?

– Теперь могу вам сказать и неприятную новость, которая способна испортить аппетит.

– Что случилось?

– Опять она объявилась.

– Барри, не говори загадками. Кто?

– Рыжая!

– Тора?

– Да! Моя любовь на одну ночь.

– Что ей здесь надо?

– Это вы сами у неё спросите.

– Зачем ты её вообще на порог пустил?

– Я не пускал. Она сама. Я её боюсь. Явилась – не запылилась. Опять какие-нибудь подлости и хитрости приготовила для нас.

– И куда ты её послал?

– Далеко, – Барри ухмыльнулся, представив себе реальность самого дальнего посыла, – в гостиный дом Кобаньи Белича. Но, боюсь, она завтра опять сюда припрётся.

– Успокойся. Больше я не буду тебя заставлять дьявола из её тела выгонять.

Глава 2

Вальдир решил отвязаться от сестры Хельги раз и навсегда. Утром, взяв с собой в помощь Барри и Стирлича, он двинулся в сторону постоялого двора Белича. Но в середине пути троица неожиданно наткнулась на самую Тору, сопровождаемую десятком скандинавских воинов. Викинги выхватили мечи и сделали шаг вперёд в направлении Вальдира. Ярл тоже обнажил оружие. Барри рухнул на колени и быстро забормотал молитву. Наклоняя голову в поклоне, он скосил взгляд и обнаружил, что Стирлич исчез:

– «Бесстрашный», ты где? Куда ты испарился?

– Не бойся, я с тобой. Только не мешайся под ногами, – свободной рукой ярл подтянул монаха к себе и задвинул его за свою спину.

Улица была узкой. Её пределы по ширине были ограничены высокими заборами купеческих теремов. Вальдир был готов к тому, что в таких условиях победа врагу достанется дорогой ценой. Это понимали и викинги, которые не торопились атаковать. Но неожиданно голос Торы сообщил о со всем других намерениях:

– Кто приказал «мечи к бою»? Я такой приказ не отдавала. Немедленно зачехлить оружие!

Она прошла сквозь строй своих телохранителей и оказалась прямо перед ярлом. За спиной Вальдира послышалось:

– Слава тебе, господи! Ты не допустил кровопролития!

Вальдира удивил вид сестры селундского ярла. За год она сильно изменилась: лицо осунулось, огненно-рыжие волосы сбились в космы, глаза провалились:

– Я хочу поговорить с тобой наедине, – обратилась она тихим голосом к ярлу.

– На случай, если я откажусь, ты с собой армию прихватила?

– Нет, – она слабо покачала головой, – армию ко мне братец приставил. Боится, что венды меня здесь убьют.

В это время с криком и улюлюканьем из всех щелей полезли венды, вооруженные кто, чем придётся: ножами, топорами, вилами, мечами, копьями, дубинами. Они оседлали заборы и перекрыли улицу с обеих сторон. Викинги вновь обнажили мечи и заняли круговую оборону, поставив в центр круга рыжую девушку.

– Барри, не бойся, Небойша с тобой! – на воротах купеческой усадьбы сидел Стирлич. – Князь, отдавай приказ!

– Стойте! – крикнул Вальдир. – Мне никто не угрожает. Опустите оружие. Тора, прикажи своим воинам, засунуть мечи в ножны.

Девушка отдала приказ и вновь обратилась к Вальдиру:

– Я приехала с тобой поговорить. Давай пройдемся.

– Не вижу в этом смысла. Я не люблю тебя и тебе не доверяю. И времени на бестолковые разговоры тоже нет.

– Я тебе о дочери конунга расскажу.

Вальдир только недоверчиво покачал головой:

– Тора, зачем ты ко мне опять притащилась? Тебе в этой жизни больше нечем заняться? Может, хватит уже? Разве тех несчастий, что ты принесла мне и Оде тебе недостаточно?

Ярл развернулся и пошёл в сторону своего дома. Когда через минуту он оглянулся, то увидел, что за ним идёт целая процессия. Впереди семенила Тора. За ней её телохранители, следом Барри и толпа жителей Ходово.

Возможно, со стороны это выглядело нелепо и смешно. Но Вальдиру было не до смеха:

– Что это за игры, в которые ты играешь? Что тебе, женщина, от меня надо?

– Уже, практически ничего. Я приехала в последний раз взглянуть на тебя и попрощаться.

– Взглянула? До свидания. Вернее, прощай!

Вальдир развернулся и пошёл домой очень быстрым шагом. Он затылком чувствовал, что сзади – не отставали.

Он снова повернулся к своей избе задом, к Торе передом:

– Как мне от тебя избавиться?

– Выслушай меня, или убей!

– О-о-о! Как ты меня уже достала своими красивыми высказываниями, своими позами. Ещё на колени встань!

Тора тотчас рухнула на колени:

– Клянусь! Это последний раз. И я на твоём горизонте жизни больше никогда не появлюсь.

– Тебе перед людьми не стыдно?

– Нет! Мне стыдно только перед самой собой. Стыдно, что раньше я поступала не так, как надо было поступать.

– Хватит с меня твоих наигранных страданий! Твоих фальшивых раскаяний! Мне от них не легче. Драго, которого ты убила – ему расскажи о своих чистых побуждениях. Да, ты! Что смотришь? У тебя руки в его крови.

– Я виновата. Но разве тот, кто хочет стать лучше не достоин того, чтобы его выслушали?

– Лиса хвостом красиво машет. Но дело не в красоте, а в желании замести следы.

– Я не отстану, пока ты меня не выслушаешь.

– Сумасшествие какое-то. Люди! Вы когда-нибудь видели что-либо подобное? Запредельная наглость! Человек, поставивший целью своей жизни сделать всё, чтобы я не был счастлив, теперь умоляет меня о снисхождении до уровня простой беседы. Кто-нибудь может такое понять?

Неожиданно Стирлич высказал своё мнение:

– Князь, я выскажу общее мнение, только ты не обижайся.

– О, какой у меня сегодня замечательный день! Старые знакомые в гости понаехали. И вече нежданно собралось. Даже зазывать никого не пришлось. Ну, говори, своё «общее мнение».

– Князь, негоже тебе женщину унижать. Какая бы она не была. Но ты себя должен уважать. В первую очередь – себя. Мы тебя уважаем, считая, что женщину ты зря никогда не обидишь.

– Это не женщина! Это ведьма лесная, принявшая образ красотки.

– В любом случае, человек тебя просит о малом: выслушать её. Заставляя её унижаться, ты себя унижаешь!

– О, боги! Будь проклят тот день, когда ты Тора впервые попала на моём пути! Барри, ты-то хоть на моей стороне?

– Нет, сир. Как я могу быть на вашей стороне после той памятной ночи, которую вы подстроили своей дьявольской хитростью?

– Но ведь это она виновата в том, что погиб Драго!

– Драго был добрым человеком. Он всё бы понял и простил. Мне кажется, мой господин, вы должны выслушать женщину, которая приехала сюда за тридевять земель, чтобы просить вас на коленях о совсем маленьком одолжении.

– Тора, как тебе удаётся так легко всех околдовывать?

– В этот раз – всё не так, как ты думаешь.

– Мне и думать не надо. И так всё про тебя давно понятно.

Хорошо, говори.

– Прошу тебя, мне надо поговорить с тобой наедине. Идём в твой дом.

– Что? Опять? О, боги!

– Сир, – Барри умоляюще скривил физиономию.

– Князь, мы будем рядом. И, кстати, её охрана будет рядом с нами, а не с тобой, – поощрил Вальдира на разговор Стирлич.

– Что вы меня уговариваете, как маленького мальчика. Я

никому ничего не обещал. И никогда никого не подставлял. В отличие от неё. А тебе, дорогуша, одно скажу. Мне сегодня некогда с тобой встречаться. Скажу точнее. Мне сегодня даже противно на тебя смотреть. Если ты сейчас за мной потащишься, я не гарантирую, что смогу совладать с собой и не убью тебя. Но я согласен заглянуть к тебе, либо завтра вечером, либо послезавтра. Это как получится. Но с окончательным условием: на этом всё! Клянись, что с этих пор я тебя больше в своей жизни не увижу.

«Как-то двусмысленно выразился. Не к добру всё это», – подумал Барри.

Священные вороны Хугин и Муниин, сидя на серебряной крыше чертога в Асгарде, продолжали следить за всем, что происходит под ними на Земле.

Хугин сказал:

– Удивляюсь людям. У них по любому поводу целый букет примет.

Муниин добавил:

– Всё это глупость. Если я не обучен счёту, зачем мне знать примету про несчастливое число? Или, к примеру, я дальтоник. Для меня все кошки серы. Как чёрного кота я смогу определить?

Глава 3

Стирлич вечером привёл сказителя, с которым он путешествовал по миру. Вратислав оказался крепким на вид дедом. Если бы не седые волосы и такая же белая окладистая борода, его вполне можно было бы принять за могучего воина. За былинного богатыря, способного ещё многих огорчить лезвием своего меча. Барри накрыл стол, за которым присутствовали также посадник и несколько состоятельных купцов. Для начала выслушали в исполнении Бояна и подыгрывающего ему на гусях Стирлича несколько старинных песен о былинных героях прошлого. За беседой о жизни настоящей и прошлой за кружкой доброго хмельного мёда время пролетело незаметно. И всё бы закончилось хорошо, если бы разговор неожиданно не коснулся личности Атиллы. А началось всё с высказывания Барри. Монах взял и ляпнул:

– Вот скажите венды, чем вам хуже живётся под рукой скандинава? Что вы всё время ноете? Вам ведь не привыкать жить под чужими князьями и царями.

Все промолчали, но посадник Миронег, уже изрядно подвыпивший, возмутился:

– Когда это нам было не привыкать? Это сейчас нас придавили. А до того наоборот всегда всё было.

Барри осклабился:

– Ой! Что значит «было наоборот»? Когда это венды над

гочами властвовали?

Миронег даже вскочил, но взглянув на Бояна, осёкся:

– Я бы сказал, когда такое было. Да не могу.

– Потому что не было такого – вот и не можешь, – продолжал подначивать пьяненький монах.

– Не могу, потому что рядом со мной сидит тот, кто всё знает и обо всём ведаёт. Вот рассуди нас Вратислав, было такое?

Боян тихо тронул струны гуслей и спокойно молвил:

– Всяко было. И так, и этак.

Но монаха было уже не остановить:

– Болтать каждый может. Когда такое было? Что-то я не припомню, чтобы после потопа венды над кем-нибудь властвовали.

– Ты не помнишь! А мы свою старину чтим! – Миронег тоже закусил удила. – Пусть Вратислав скажет!

– И до потопа, и после потопа готы с вендами всегда противостояли друг другу. Был и у тех верх, и у других, – спокойно рассудил старец, пытаясь притушить пыл спорщиков.

Но Барри и Миронег было уже не остановить. Монах завопил, мотая кудрявой шевелюрой:

– Это всё враньё!

– Боян врёт? Ты чего несёшь? Он – сама правда! Суть правды!

– Всегда! Всегда венды были под нами! Потому и рабов мы называем словом «слэйв». Что означает «славянин».

Боян спокойно сказал:

– Часто за реальность мы воспринимаем лишь то, что нам кажется. Если не помнить прошлое, то не будет будущего. Прошлое – это вода для цветка, стремящегося к солнцу. Без него корни усохнут, и народ забудет, кто он и откуда. Он начнёт стыдиться своей бытности, желая восхвалять всё заморское: язык, порядки, веру. Сначала в языке появятся чужие слова. Затем для удобства речи все перейдут на новый язык. А их потомки, позабывшие свои корни, пойдут убивать потомков братьев своих отцов, надсмехаясь над ними и отказывая им в праве на прошлое и будущее.

– Боян, я, конечно, понимаю, что все венды тебя уважают. Но я не венд. Я монах. И мои предки англ. Я заверяю, что все венды всегда были рабами.

– Часто петушок не видит дальше своего двора. Победив соперников, он считает, что двор – это вселенная. А он в ней – божественный правитель. И так, по его мнению, было всегда. Топор и суп для него становятся полной неожиданностью.

– Всё это болтовня! Примеры! Я жду примера!

– Хорошо. В давние времена, когда Баламбер¹⁰, правитель гуннский, двинулся на запад, он готов разгромил. Часть из них ему подчинилась. Другие, приняв религию христиан, ушли в империю к ромеям. Но основная часть готов бежа-

¹⁰ Вторжение гуннов под управлением Баламбера (Валамира) в Европу в 375 году послужило началом эпохи Великого переселения народов

ла вверх по Дунаю. Здесь они встретили вендов, которые в то время владели всеми землями к северу от обеих Римов¹¹. Царь Радегаст¹² разрешил им поселиться в своих землях, с обязательством в случае войны готскую конницу на поле боя выставлять. После смерти Радегаста, эти готы верно служили Яровиту, который был последним царём всех вендов. Когда по прошествии многих лет, и он скончался, его племянник по сестре Аттила захватил вероломно власть, убив сыновей Яровита. Он подчинил себе почти всех вендов. Готов Аттила объявил своими беглыми рабами и пошёл на них войной. Те в панике на острова за море и сюда на север от него бежали. Готы уговорили князя Глеба¹³, что правил тогда в Старигарде, дать им разрешение поселиться на острове Фюн, где теперь город Одина¹⁴ стоит. Но им там тесно было. Тогда обманом, подослав своих ведьм и ведунов, потомки Одина убедили Глеба, что ему будет выгодно в северных частях Скандии¹⁵ их расселение разрешить. Глеб согласился. Предки Ивара ушли туда, но часть из них на острове Фюн¹⁶ так

¹¹ Рим и Константинополь

¹² В 405 году во главе огромной армии прошёлся по северной Италии, но в результате вероломства попал под Флоренцией в плен и был казнён

¹³ Гюльви в скандинавских сагах. Князь балтийских вендов, правивший землями Ютландского полуострова и Скандинавии

¹⁴ На месте современного города Оденсе, остров Фюн, Дания

¹⁵ Согласно сведениям саг, Глеб разрешил им расселиться к северу от озера Меларен (Швеция)

¹⁶ Легенда «Обмана Гюльви» и расселения готов в Скандинавии излагается в

и осталась. Так возникло сразу два очага язвы, постепенно поглотившей многие земли вендов. Всего семь колен спустя, всеми вендскими землями Скандии, Дании и Вагрии Ивар-конунг, потомок этих готов, правит. Только в результате попустительства недалёкого Глеба, готы сделали местных вендов своими рабами, насилуя их жён и заставляя говорить на готском языке вендских детей. Сейчас того, кто уверяет, что в Скандии и в Дании до времён Атилы не было никаких готов, по приказу конунга Ивара без суда казнят.

– Я не конунг, но я его наместник здесь, – Вальдир встал и вытащил меч, – Сложить оружие! Немедленно!

Он провёл кончиком меча мимо лиц оторопевших купцов и Миронегга. Всем пришлось подчиниться.

– Именем конунга, Вратислава, Миронегга и Небойшу за ложь и подстрекательство к бунту под арест я заключаю. Все они завтра утром перед моим судом предстанут. Барри, сбегай и стражников, немедля, приведи. Пусть они в острог арестованных проводят.

Глава 4

– Как смеешь ты врваться в спальню к замужней женщине? – Ода обхватила руками плечи, закрывая при этом грудь, которая просвечивала через тонкую ткань ночной рубахи.

– Я здесь ярл. Ты в моём доме, в моём городе, на моём острове живёшь.

– Нет, в доме моего мужа я живу.

– И где он, твой муженёк? – усмехнулся Хельги, подходя вплотную к Оде. – Всё никак не может успокоиться. Страдает. Всё страдает и страдает.

Хельги потянулся своим лицом к лицу Адель. Она инстинктивно сделала шаг назад.

– Хрёреку ты не нужна. Ему только его страдания нужны, – он положил руку на её талию.

– Я сейчас закричу.

– Кричи, – Хельги перешёл на страстный, горячий шёпот, – люблю, когда кричат. Это меня всегда заводит.

Ярл резко притянул жену брата к себе и попытался поцеловать. Как и в прошлый раз, она его укусила за губу. И тут же от мощного удара его кулака в свою грудь она улетела на середину кровати.

– Кошка! Дикая кошка, – Хельги смахнул кровь с губы и попробовал её на вкус: – Таких обожаю укрощать.

Он скинул с плеч подбитый горностаем кожаный плащ.

– Ещё шаг и тогда без твоего плаща тебя позорно похоронят, – Ода держала в руках тот самый кинжал Висны, который ей подарил Вальдир.

– Ну-ну, ну! – Хельги попытался отвлечь её внимание, делая руками круговые движения.

Но стоило ему попытаться выхватить кинжал, как он сразу получил болезненный порез на правой ладони.

Неожиданно за дверью спальни кто-то опрокинул что-то деревянное на пол.

– На сегодня хватит! – прошипел Хельги, вешая плащ на руку. – Но для забав впереди много времени у нас. Мужу-рогоносцу привет мой передай!

И он, по-кошачьи тихо ступая по полу, бесшумно скрылся за дверью.

Ода с облегчением вытерла пот со лба: «Надо утром дать задание, крепкий засов на дверь поставить».

Глава 4

Шумная толпа, вооружённая кто чем мог, окружила дом Вальдира, требуя освобождения арестованных. Никто не выполнил приказ князя и задержанные им Вратислав, Стирлич и посадник провели в его избе всю ночь. Солнце уже показывало полдень.

– Расходитесь, и я обещаю, что все зачинщики бунта будут мной прощены, – Вальдир стоял с мечом в руках на крыльце своего дома. – В противном случае я казню, того, кто вас на бунт подбил. Остальные на торговой площади по пятьдесят плетей получают.

– Освободи невинных, и мы тебя в живых оставим. Никто в вендских землях судить сказителей без одобрения веча права не имеет. Мы своего разрешения не давали! – крикнул кузнец Сварг.

Его слова утонули в мощном рёве поддержки. Толпа готова была растерзать ярла. Но её остановил спокойный голос самого богатого купца Ходово, которого звали Завидом:

– Спокойно! Надо во всём разобраться. Пусть князь скажет, в чём их вина.

– Они заведомо врут, утверждая, что готы попали сюда только при царе Аттиле, а до этого Скандия, и Дания были, якобы, вендскими землями. Почву для бунта этим враньём они питают. Я, являясь ярлом конунга Ивара, не могу поз-

волить, чтобы подстрекатели к бунту по моей земле свободными ходили.

Народ вновь взорвался, выразив намерение убить князя и освободить Бояна и его друзей. Громче всех кричал Сварг:

– И что здесь не так? Какое это враньё? Это были вендские земли. Венды до сих пор там живут. Только немцы сделали их бесправными рабами. Тебя, немца, поставили здесь над нами. Мы об этом никого не просили. Если так дело пойдёт, то через десять лет нельзя будет говорить, что до этих пор Ходово был вендским портом. Так, по-твоему, выходит? Бей его ребята! Не дадим нас рабами сделать!

Толпа ринулась к крыльцу. Расправе мешал только обнажённый меч Вальдира.

– Стойте! – Завид вновь призвал к спокойствию. – Ни к чему кровопролитие хорошему не приведёт. Оно нам не нужно. Пусть князь покается и признает, что он был не прав. Последний шанс ему дадим.

Но толпа уже возбудилась, подначивая друг друга. Кузнец замахнулся топором, но его удар сдержал меч ярла. Следующим взмахом своего клинка Вальдир попытался снести голову Сваргу. Но его удар остановили чьи-то вилы. И быть бы смертоубийству, но в последний момент, из толпы неожиданно выскочила Тора. Её распущенные рыжие волосы произвольно послужили сигналом остановки едва не начавшейся резни. Она взбежала на крыльцо и подняла руки вверх, закричав:

– Стойте!

В толпе были слышны возгласы удивления:

– Баба! Рыжая! Немка! Чего она крикнула?

Тора обратилась к вендам:

– Здесь кто-нибудь понимает по-датски?

Несколько человек крикнули, что они знают этот язык немцев.¹⁷

– Переведите! Вальдир не потомок готов. Он венд! Ивар его сюда сослал специально для того, чтобы вы его убили! Убили его – Вальдира!

Народ зашумел и стал перепираться между собой. Часть толпы не поверила рыжей немке, считая, что она таким способом пытается спасти своего соплеменника от расправы. Другая часть поверила, но стала кричать, что на интриги конунга им наплевать. Они хотят восстановить справедливость, убив проклятого ярла, который пытается наводить на их земле свои порядки. И только несколько человек стали отговаривать всех от убийства князя. Среди них был и Завид:

– Если он на самом деле венд, то мы, убив его, сделаем два плохих дела. Первое – убьём венда. Второе – ненавистного всем вендам Ивара ублажим. Надо сначала разобраться, правду ли рыжая девица нам глаголет? Ну-ка, люди! –

¹⁷ Венды (славяне) всех говорящих на непонятном языке называли «немцами». Для обозначения их точной географической принадлежности, к этому термину они обычно добавляли пояснения: шпанские немцы (испанцы), шкоцкие немцы (скотты), свейские немцы (шведы), каянские немцы (племена Финнмарка – лапландцы, саамы).

купец вышел к крыльцу и развернулся к жителям Ходово. – Сделайте три шага назад и успокойтесь. Убить его мы всегда успеем. Куда он от нас денется? Назад!

Толпа нестройно попятилась. Завид повернулся к Вальдиру:

– Скажи-ка, князюшка, она правду молвит?

– Нет! Я гот! Я воин Одина!

– А ты, красавица, почему так говоришь? Поди, князя очень любишь?

– Да! Люблю! И этого не скрываю. Но это здесь не причём. Он венд, хотя сам того не знает. Но об этом Ивару и моему брату Хельги хорошо известно. Эти двое смерти ярла вашего пуще всего хотят!

– Ничего не понял. Хотя за столь страстные речи и за смелость тебя стоит уважать. Почему тогда сам князь обратное нам говорит?

– Он воспитан, как берсерк. По традиции в берсерки сирот и рабов берут. Их с малых лет воспитывают, как воинов, легко за Одина готовых свою жизнь отдать. Вальдир – не исключение.

– Это так, князь?

– Так.

– Ты помнишь своих предков? Отца, мать?

– Единственный, кого я знаю с детства – мой названный отец. Это Бальдр – честный и справедливый мой наставник. Если бы я вендом был, он бы мне сказал.

– Не уверен в этом, – Завид почесал голову. – Чем же ты конунгу так насолил?

– Какая разница? Это моя жизнь, мои проблемы. Я не собираюсь всем рассказывать о них.

– Чем он так разозлил конунга и твоего брата? – повернулся купец к Торе.

– Он любит Оду, дочь конунга, жену второго моего брата.

– О, господи! Совсем запутался. Второй твой брат тоже желает смерти князя?

Тора отрицательно покачала головой:

– Нет, Хрёрек ему не враг, – она указала рукой на Вальдира.

Из толпы кто-то крикнул:

– Завид, кончай эти бредни. Нас за нос явно водят. Пусть он любит, кого желает. И его, кто хочет, пусть ненавидит. Но он нарушил наш закон и завет отцов. Мы обязаны всех сказителей нашей старины глубокой беречь и охранять.

Но неожиданно у Вальдира нашёлся ещё один защитник. Это был кузнец:

– Завид, вот что я тебе скажу. Она правду говорит. Князь наш – венд. Как ты знаешь, отец мой оружейником искусным был. К сожаленью, таких талантов в этом деле бог мне не дал. Но отец мой часто изготавливал доспехи для многих из потомков Яровита. Того, что до Аттилы вендами справедливо правил. Все потомки Великого князя имеют, как извест-

но, особый герб –священного Сокола¹⁸, разящего на земле любого. Такой знак есть на руке Вальдира. Я обратил внимание на это, когда летом на строительстве рядом с ним работал. Знак этот на руке всех княжичей обычно в малолетстве ставят. У Вальдира другие знаки его сильно застилают. Это знаки берсерков и веры немцев в Одина и Тора. Но в детстве этот герб я неоднократно видел. Знак Разящего Сокола на доспехах мой отец чеканил. Пусть Вальдир всем своё правое плечо покажет.

– Ничего я показывать не буду. Может мне ещё догола раздеться?

– Ты же берсерк, – Тора тоже присоединилась к просьбе Сварга. – Для берсерка вовсе не унижение своё тело оголить.

– Когда я был берсерком – да. Но теперь я князь. А для князя – это унижение.

Завид махнул рукой:

– О чём мы спорим? Не показывает – и не надо. У Сварга нет причины врать и придумывать что-то в пользу сказанного рыжей девой. Посему выходит, что мы, друзья, преступление чуть не совершили. Хотели потомка великокняжеского рода мы убить. А это не угодное нашим богам дело. Поэтому

¹⁸ Атакующий сокол, неправильно воспринимаемый, как «вилы», был тотемным знаком многих индоевропейских племён. В частности, его находят в сарматских захоронениях. Само название птицы – «сокол», связано с религиозными воззрениями, что птица эта рождена Солнцем, которое называли Коло. Она камнем падает с Коло (отсюда С(о)кол), чтобы наказать неугодных небесным богам людей.

я предлагаю по своим делам всем разойтись.

– Но как же так? Вратислав, Стирлич и посадник? Ты про них забыл? – закричал чей-то звонкий голос из толпы.

– Нет, не забыл. Сейчас всем надо успокоиться. Правда тишину любит. Мне кажется, что князь, Сварг, я и влюблённая девица – в этом деле сможем разобраться. Ум и совесть потомка княжеского рода не позволят Вальдиру совершить несправедливость, неуютную всему вендскому народу.

Названные Завидом люди ещё долго, молча, стояли на крыльце и смотрели, как, разбившись на пары и группки, жители Ходово, занятые пересудами, медленно расходились по домам.

До утра они сидели за столом за кружкой мёда и слушали, как под треск поленьев в печи Боян, перебирая струны гуслей, рассказывает о героях прошлого. О первом поистине великом князе вендов Велемире¹⁹. О его потомке Радегасте, погибшем во время похода на Рим. О князе Яровите²⁰, который победил в борьбе за власть сына Радегаста Северина²¹. Как он послал войско за Рану²² против сбежавших из-под

¹⁹ Балломар в римских источниках. Объединил варварские племена к северу от Дуная. В 166 году вторгся в пределы Рима. Одержал целый ряд побед над легионами Марка Аврелия. В «Тидрек-саге» назван Вилькином (Вильцином)

²⁰ Гертнит в «Тидрек-саге». Князь Вандал, согласно Иоакимовской летописи

²¹ Нордиан в «Тидрек-саге»

²² Переход подвластных Яровиту князей и его союзников через Рейн был осуществлён 31 декабря 406 года. Из-за интриг римского правителя Стилихона эта армия не вернулась назад, а расселилась в галльских и африканских пределах

его власти франков. О смерти Яровита и борьбе его сыновей Владимира²³ и Столпосвята²⁴ с Аттилой²⁵. О внуке Яровита, тоже прозванного так²⁶, который в молодости служил своему дяде Столпосвяту, а затем ушёл в Рим, где стал великим царём. О походах Аттилы против франков, бургундов, саксов и готов. О правнуке Радегаста Глебе, который разрешил готам поселиться в северных пределах своего княжества. Об Одине²⁷, короле готов, который проиграл войну гуннам и аланам и отправил свой народ в земли саксов. И о многом другом, о

империи. После этого Яровит напрямую подчинил себе земли своих союзников среди которых были гунны Паннонии, которыми правил отец Аттилы. Малолетний Аттила стал аманатом (заложником) при дворе Великого князя, где и вырос. Вместе с ним в качестве заложника там же воспитывался последний «великий римлянин» Аэций

²³ Бледа, в греко-римских источниках, двоюродный брат Аттилы, Вальдемар в «Саге о Тидреке Бернском». После того, как Аттила не смог его победить, он заключил с Владимиром договор, по которому они вдвоём правили державой Яровита. Но в 444 году Владимир погиб в результате заговора, устроенного Аттилой

²⁴ Озантрикс в «Тидрек саге», погиб в битве против войск Аттилы

²⁵ В «Хедебю саге» утверждается, что матерью Аттилы была сестра Яровита. Т.е. Аттила был племянником Яровита (князя Вандала)

²⁶ Согласно «Тидрек-саги» с небольшой армией ушёл со службы Озантрикса к другому своему дяде Илье, правившем землями к югу от Дуная (очевидно был римским федератом). Там он быстро укрепился во власти и под именем Одоакр стал последним императором Западной рискской империи

²⁷ Оттон-рикс, Атанарих – знаменитый предводитель готов, с помпой похороненный в Константинополе. Император Восточной римской империи христианин Феодосий шёл во время похорон перед носилками великого язычника. Назывался прародителем многочисленных династий бургундских, английских, саксонских, шведских и датских правителей. После смерти обожествлён

чём Вальдир даже не догадывался. Все внимательно слушали сказителя. Только Торе эти рассказы были абсолютно не интересны. Но она была счастлива, что Боян так увлёл всех своими рассказами. Благодаря этому она бесконечно долго могла находиться рядом с любимым человеком и наполнить лелеем созерцания свою душу и разбитое сердце. Она была счастлива так, как будто сбылись её мечты, и она провела ночь со своим любимым берсерком. Она так и посчитала: «Я провела с ним ночь. Теперь можно и умереть».

Через день она вернулась в Селунд.

Глава 5

Ода, выросшая в неге усадьбы Адельсё, не знала до этой поры, что человеку может быть так плохо. Кругом всё было чуждое, ненавистное, не родное. Чужой дом, чужие слуги, чужой народ. И самое страшное – Хельги, который не давал ей прохода. Рядом не было даже родственников. Собственно, кроме отца никого из своих родных она не знала или не помнила. Теперь и его не было рядом. Да, собственно, если бы он был рядом – от этого ей не было бы легче. Для неё он перестал быть родным человеком. Она не могла ему простить загубленной жизни, счастья, любви. Не было рядом с Одой и её Сольвейг. При воспоминании о подруге ныло сердце. Не было кормилицы, которая умерла через полгода после жестокого наказания, устроенного Иваром. Её бездыханное тело подобрали в озере рыбаки. И главное, что рядом не было её любимого. Скорее всего, она бы тоже умерла от горя, разлуки и безысходности. Но как всегда бывает в жизни, её спасло рождение ребёнка, которого она назвала Харальдом. Всю свою любовь, свою страсть, свою заботу она посвятила ему.

Встав с постели, Адель склонилась над люлькой. Спит! Как он прекрасен! Глаза закрыты, но веки подёргиваются. Может, ему снится сон? Мама и папа рядом? Папа. Папа неизвестно где. И думает ли он о нас? Он не знает, какой

ты красивый и ладный. Глазки мамины, губки мамины, носик..., неизвестно пока чей. Но подбородок – точно весь в отца. С ямочкой посередине. Эх, Харальд, Харальд. Дай тебе боги счастье в жизни.

В это время в дверь заглянула служанка:

– Госпожа, вы уже встали? К вам пришли.

– Кто там ещё? Я не хочу никого видеть.

Отстранив из дверного проёма прислугу, в комнату протиснулась Тора.

– Это я. Твоя наречённая сестра.

Настроение Оды мигом улетучилось:

– Не сестра ты мне. Даже не надейся. Отстань от меня.

Мне твоего брата достаточно, чтобы быть несчастной.

– Хрёрека? – Тора подошла к люльке, пытаясь заглянуть внутрь.

Адель встала между незваной гостьей и сыном, не давая золовке возможности увидеть Харальда:

– Причём здесь Хрёрек? Я говорю о Хельги.

– Он пристаёт к тебе?

– Не то слово! Проходу не даёт.

– Негодяй!

– Ты чем лучше? Вы одна семейка. Кроме пакостей, что мне от вас ждать? Тора, я по-хорошему прошу, уйди! И рядом со мной и моим сыном больше никогда не появляйся.

Ода, зло глядя на золовку, стала напирать на неё грудью:

– Будьте вы все прокляты! Желаю вам, чтобы вы все, слов-

но пауки, перекусили друг друга своим смертельным ядом.

Обескураженная Тора попятилась к двери, сказав при этом:

– Я понимаю тебя, Ода. Но я зашла сказать всего два слова.

– Это слишком много для меня – твои два слова. Проваливай!

– Ты сильно изменилась. Стала злой.

– Учителя в жизни мне хорошие попались! Не зли меня!

Ода выхватила кинжал, висевший на груди под сарафаном, и замахнулась на золовку:

– Уйди! Нет уже сил тебя рядом с собой видеть. Не дай мне грех убийства на свою душу взять.

Тора лишь грустно улыбнулась:

– Я была бы рада этому. Но для твоей души такой обузы тоже не хочу. Я была у Вальдира в Хедебю.

– Это ложь! Ты с братцем вновь задумала интригу!

– Нет. Не ложь. Берсерк меня простил.

– Простил? Он что за этот год обо всём забыл?

– Нет, не забыл. Тебя он всё так же, к сожалению, крепко любит.

Ода недоверчиво покачала головой:

– Всё ложь. Не может он тебя простить. Такого не прощают.

– Прощают и не такое. Но страшно то, что сама себя я не смогу уже простить.

– Такие речи в устах Торы? – Ода демонстративно засмеялась. – Это смешно! Я так глупа? Ты так считаешь?

– Нет не считаю. Я завидую тебе. Тебя он любит всё также страстно и непоколебимо. Его письмо я привезла. Возьми.

Только сейчас Ода увидела в руках Торы дорожную церу, которая закрывалась на замочек. Она недоверчиво взяла из рук золовки восковую дощечку и открыла её. На воске были руны, явно написанные рукой любимого: «Адель, если ты счастлива в браке и считаешь, что я проявляю неуважение к твоему положению супруги, можешь дальше не читать. Сотри! Но я не могу не сказать тебе всего три слова, на которые ты раньше не могла ответить «я тоже». Я ярл, слуга твоего отца, его верный воин, узнал совсем недавно, что он меня сюда сослал, надеясь, что венды здесь меня убьют. Если ты не забыла, что я тебя люблю и любишь меня «тоже», хочу просить у тебя совет. Считаешь ли ты желание меня убить нарушением слова твоего отца? Если – да, тогда я снимаю с себя все клятвы, данные мной конунгу и считаю себя отныне свободным от всяких обязательств перед ним. Если – нет, то даже не хочу об этом думать. Тогда я уеду ещё дальше от тебя и попытаюсь найти утешение в смерти. Купцы сказали, что в Царьграде берут на службу таких воинов, как я. Без твоего согласия я не могу предпринять никаких шагов. Скажи мне «люблю» – или «прощай навеки». Я первое приму счастливым – второе, с грустью на сердце, но пойму. На веки твой, Берсерк».

Слеза сорвалась с ресниц и разбилась о воск церы. Это была слеза счастья. Она копилась целый год. Любимая берсерка перебрала все церы в дорожном приборе для письма, пытаясь отыскать ещё хоть что-то. Потом взглянула на Тору. По выражению её счастливого лица, сестра мужа всё поняла.

– Как я вам завидую! Но это уже не та чёрная зависть, которая год назад во мне со страшной силой клокотала. Ты будешь счастлива. Теперь я это знаю. Любовь – это ледоход! Она все преграды на своём пути смести способна.

Ода немного успокоилась:

– Что ты с ним сделала? Как он мог довериться тебе? Тора, ты правда не играешь снова в свои игры, в которых главный приз – наша с Вальдиром смерть? Что с тобой случилось? Я не верю, что так может человек вдруг сам собой перемениться?

– Вдруг? Разве ты не видишь, что со мною стало?

– Да, ты осунулась. Вся исхудала и цвет лица стал нездоровым. Ты заболела?

– Любовью я больна. Целый год я мучилась недугом этим. Я сходила с ума, не спала ночами, подушку мучила слезами.

– Ты умеешь плакать?

– Я? Нет! Но моя любовь сидит занозой в сердце и плачет, плачет, плачет, стонет и болит. Нет на свете ничего страшнее – чем безответная любовь. Поверь, всё что с вами год назад свершилось и в подмётки не годится этой болезненной любви. Выхода нет. Только сойти с ума или найти счастье в

петле самоубийства.

– Но как Вальдиру чистоту своих намерений ты доказала? Зачем помогаешь ты ему?

– Я помогаю не ему. А вам. Вашей любви. Пусть хоть кто-то на этом свете будет счастлив. Полюбив, я стала понимать причину, по которой он меня отверг. Если любишь – для тебя нет никого на свете лучше и желанней, чем та, что в сердце поселилась навсегда. Я хотела запереться в доме и его поджечь. Чтобы через огонь попасть в Вальхаллу и там его дождаться. Но потом поняла, что и там он будет не со мной. Любовь не исчезает после смерти человека. Она с ним навсегда.

Тора отошла к окну, пытаясь утаить свои чувства. Немного постояв так и успокоившись, она глубоко вздохнула:

– Поэтому я решила последний раз его увидеть, а затем расстаться с жизнью навсегда. Но вновь в его глазах страсть к тебе узрела и решила вам помочь. Может, вы меня успеете простить, чтобы на том свете меня не мучило всё то зло, что я свершила.

Ода молча слушала исповедь девушки. Тора продолжила:

– Поверил он мне тогда, когда от расправы вендов я его спасла.

– Расправы? Как?

– Я сказала разъярённой толпе, что он тоже венд.

– И это помогло?

– Да! Тем более выяснилось, что он наследник великокня-

жеского рода. В этом он равен тебе и твоему отцу.

– Вальдир по происхождению конунг?

– Да!

– Я думала он раб, берсерк, никто.

– Это что-то для тебя меняет?

– Нет. Он для меня – любимый. И это главное. Но как он стал берсерком?

– Никто не знает – как. Если ты согласна, он перед тем как к тебе приехать, встретится с риксярлом. Только твой отец и Бальдр знают, кто такой Вальдир.

– Да, наверное. Боюсь только, чтобы встреча с Бальдром несчастье нам не принесла.

– Это вам решать. В первую очередь – тебе. Но подумай: важно это для вас – или не важно. Каждый человек имеет право знать, кто его отец и мать.

– Да, ты права, – Ода склонилась над открывшим глаза Харальдом, – каждый имеет право знать, кто его мать и, кто отец.

Она взяла малыша на руки и прижала к своей груди:

– Скоро ты увидишь своего папку. Пусть в этом нам помогут боги.

Глава 6

– Ах вот ты где! – Хельги подошёл к брату сзади и приобнял его за плечи.

Хрёрек молча убрал его руку и продолжил свежевать медведя.

– Ты всё так же мрачен. Ни с кем поговорить не хочешь. Я твой брат. Скажи мне, что тебя гнетёт? – Хельги присел на корточки, разглядывая медвежью морду. – Матёрый зверь. Ты, как берсерк, на медведя ходишь. Хочешь кому-то что-то доказать? Или жизнь твоя не стоит даже старых развалившихся сапог? Ты смерти ищешь? Молчишь. Настали радостные времена, а ты угрюм, как боров, которого тянут на убой. Повеселимся брат, как в старь! Может устроим праздник, турнир или вместе на охоту сходим?

– Отстань.

– Опять отстань. Сдаётся мне, что нашей встрече ты не рад. В чём причина?

– У нас с тобой противоположный взгляд на жизнь и смерть.

– Ты всё про Сольвейг? В конце лета будет уже два года, как она скончалась. Видно слаба здоровьем девушка была. От такой в семейной жизни мало проку. Даже наследника тебе пришлось бы долго ждать.

– Заткнись, противно слушать твои бредни.

– Зато сейчас, ты не успел жениться, как в семье твоей приплод. Харальд – славный мальчуган. Правда, на тебя он не похож.

Хрёрек оторвался от разделки туши медведя и встал с колен, упершись взглядом в брата. Взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

– Ну-ну, успокойся. Я твой брат и могу сказать тебе то, что не сказал бы никому другому. Ты всё время проводишь вдалеке от дома. И даже в редкие сюда наезды, обходишь спальню Оды стороной.

– Не твоё дело.

– Как не моё? Там в люльке растёт наследник конунга и мой племянник.

– Это дело не твоё.

– Сегодня не моё, а завтра Ивар отправится к богам в Вальхаллу. Мы с тобой этим миром править станем.

– Это будет без меня.

– То есть ты согласен, чтобы я стал регентом при малолетнем внуке конунга.

– Как у тебя всё просто? Ивар ещё и не думал умирать, а ты шкуру убитого медведя уже делишь.

– О! Заговорил нормальным языком! А не как прежде – только односложно. Да! Делю! Не могу я больше ждать! Не могу смотреть, как выживший из ума старик державу гробит. Он всех обидел! Всех! Все им недовольны. Как только он умрёт – тот час кровь рекой польётся. Швеция, Дания и наш

Селунд в крови утонут. Я о том пекусь, чтобы не случилось горя братоубийственной войны.

– Как можно это заранее предотвратить?

– Очень просто. Ивар ещё при жизни провозгласит внука наследником и меня опекуном при нём. Тогда причиной распрей смерть конунга не станет. Власть Харальда, и моя при нём, будет законной. Я знаю ярлов. Далеко не каждый закон рискнёт переступить.

– Уж лучше каждый день ходить с дубиной на медведя, чем самому стать зверем, таким, как ты.

– Каждому своё. Лезть на трон по трупам я тебя не заставляю. Ты дал согласие, чтобы я стал регентом при твоём сыне. Спасибо и на том.

– Я не давал.

– Давал, давал. Я поеду к Ивару и на тебя сошлюсь.

– Делай, что хочешь, только отстань.

– Уже отстал. Но совет последний – ночуй, братишка, в спальне у своей жены. А то начнутся пересуды. Нам это надо?

– Отвали!

– Кто в твоей семье мужик, ты должен был сразу показать. А ты всё свою жену жалеешь. Как же! Она страдает! Господи! По ком? По грязному вонючему берсерку.

– Ты уходил уже, ну так иди!

– Сейчас ты услышишь, как я тебя люблю. Послал я в Хедебю мне верного Бейгаза. Он сделает всё за тебя и все пре-

грады к твоему счастью устранил.

– Что? Не понял!

– Узнав, что нет берсерка, Адель тебя полюбит. Так женщина устроена. Я знаю, они без мужика не могут жить.

– Мы знали разных женщин, к счастью. Что ты творишь? Ты приказал убить Вальдира?

– Всё для тебя, мой брат. Всё только для тебя, для твоего счастья.

– Нет, не боги, при рождении в твою душу жизнь вдохнули. Злой дракон Фафнир стоял у колыбели и заколдовал тебя. Чудовище! Ты мне не брат. Твои братья – змей Ермунганд, колдун Хрейдмар и кровавый волк Фенрир.

Хрёрек оттолкнул Хельги и выбежал из охотничьего домика. Оставшись один, ярл Селунда усмехнулся, ощерив зубы:

– Вот и делай добро людям. Сам вечно будешь виноват.

Хугин вздохнул:

– Да, не спокойно в шведско-датском королевстве.

Мунин добавил:

– Я думал всё утряслось, но вот беда! Опять кипят внизу под нами страсти роковые.

Хугин проворчал:

– Мебель в этом виновата. Претендентов много – а трон один. В нём каждый хочет посидеть.

Глава 7

Ода кормила сына грудью, когда в комнату вбежал Хрёрек. Молодая мама сразу отвернулась к нему спиной.

– Извини, я без предупреждения, – он смущённо остановился рядом с дверью.

– Что-то случилось? – она взглянула на него через плечо. Хрёрек никогда не позволял себе появляться в спальне без приглашения Оды.

– Да, случилось.

– Ты едешь к моему отцу?

– Нет. Не сейчас.

– Ты передумал просить у него разрешение на развод?

– Нет, нет. Об этом не беспокойся. Я сделаю всё так, как обещал. Вы будете все вместе: ты, Вальдир и ваш ребёнок.

Ода прикрыла грудь платком и встала на ноги, развернувшись к мужу:

– Я вижу что-то случилось. Рассказывай!

– Хельги послал людей убить Вальдира.

Адель замерла. Платок соскользнул на пол, обнажив грудь с прижавшимся к ней малышом. Голос пропал, она прошептала:

– Что же делать?

– Потому и прибежал. Я прямо сейчас без промедлений выезжаю.

– В ночь?

– Да. Это его слуга Бейгаз. Он в числе воинов, которые сопровождают Тору.

– Ещё вчера утром она уехала.

– Поэтому нельзя мне медлить.

Адель подошла вплотную к Хрёреку и поцеловала его в щёку:

– За всё тебе огромное спасибо! Мне повезло, что за тебя я замуж вышла. Ты настоящий человек и подлинный мужчина. Я верю, что всё у тебя получится.

Глава 8

Тора стояла у окна и смотрела, как, сидя за столом, Вальдир читает письмо Оды. Она не смогла удержаться и по пути в Ходово прочитала его. Там было написано следующее: «Любимый, здравствуй! Мы первый раз общаемся с тех самых пор, как по велению судьбы превратной покинули наш милый Адельсё. Спасибо Торе. Сразу хочу обрадовать тебя. Твой сын растёт не по дням, а по часам. Я назвала его Харальдом. Думаю, что ты не против такого имени для сына. Хрёрек ко мне так и не притронулся, как и обещал. Он на днях собирается ехать в Упсалу развод у Ивара просить. Не знаю, что из этого выйдет. Но надеюсь. Как ты там? Думаю, что всё у тебя хорошо. Ведь каждый новый день с молитвы о тебе я начинаю. И засыпаю мысленно с тобой, любимый. Как тяжело в разлуке. Впрочем, не буду ныть, чтобы грусть-тоску на тебя не нагонять. Всё хорошо, вот только наглый Хельги прохода не даёт. Но не беспокойся, при мне всегда подарок твой. Он защитит меня. По поводу твоего вопроса об отмене клятвы – я жду тебя. Жду и люблю. Приезжай! Я соберу все вещи, чтобы готовой быть к отъезду. Куда? Да хоть куда! В лачугу рыбака, в лесной шалаш или в вежу лопарей. Лишь бы быть нам вместе. Всегда с тобой отныне и до скончания веков. Люблю, люблю, люблю. Твоя жена навеки».

У Торы было хорошее настроение. Она уже всё для себя

решила. Это последняя её встреча с берсерком. Последняя в этой жизни. И она смотрела на него, смотрела и смотрела: «Ненаглядный, красавец! Как жалко, что не мой. Эх, начать бы жизнь сначала. Но нет пути назад. И поделом тому, кто очень грешен. И очень хорошо, что я заканчиваю свой земной путь добрыми делами. Прощай, мой милый. Сейчас я выйду из избы и исчезну из вашей с Одой жизни навсегда. Наверно, это плохо, самой поставить точку в жизненном пути, начертанном богами. Но правильно. Я больше не увижу счастья. Другого мне не надо, а это занято. Что ж... спасибо тебе и на том ужасно короткая и такая никчёмная жизнь моя. Я познала любовь, жестокую и безнадёжную, как свет звезды во мраке ночи на горизонте океана. Обманчиво он манит корабли, но души моряков этот свет не греет».

Вальдир закончил чтение, соскочил с лавки и начал ходить взад и вперёд. Подбежал к девушке и возбуждённо схватил её за руки:

– Тора! Я отец! Не верю! Но это так! Спасибо, боги! У меня есть сын! И скоро я их встречу! Мою жену и сына. Жену мою! Нашу любовь обвенчали боги. Поэтому мы супруги!

– Я рада за вас. Но мне пора прощаться.

– Ты уходишь?

– Да. Я выполнила всё то, что хотела сделать. Помочь вам. На этом моей миссии конец. Не буду перед твоим носом больше мельтешить. Надеюсь, ты меня прости. Хотя бы на словах.

– Да! Не беспокойся! Ты будешь желанной гостьей в нашем доме. И своего сына я женю на дочери твоей.

Тора засмеялась:

– Это лишнее. Но всё равно спасибо. Прощай, берсерк на веки. Завтра утром навсегда я уезжаю.

– Я провожу.

– Не стоит.

– Не спорь, я провожу хотя бы до ворот.

Они вышли на крыльцо. Дни становились всё длиннее. Снег почти растаял. Новорождённый месяц скучал на небе, слабо освещая путь.

– О, как темно! Барри, скорее факел принеси!

– Ничего, со мною слуги. До постоянного двора здесь совсем рядом. Хедебю – малый городок. Слышишь? В такой поздний час кто-то к тебе скачет. Давай его дождёмся, и я уеду. Что-то тревожно мне на сердце. Ничего, если здесь я минутку постою.

– Конечно, ничего. Барри! Где ты запропастился?

В ворота въехали три всадника. Один из них сразу побежал к крыльцу. В этот момент из дверей вышел Барри и осветил лицо приезжего. Это был Хрёрек.

Первая стрела воткнулась Вальдиру в правое плечо. Вторая попала в сердце. Должна была попасть. Но Тора бросилась на грудь берсерку и сразу же обмякла в его руках.

– Схватить Бейгаза! – крикнул Хрёрек. – И немедленно казнить.

Его слуги бросились к забору, на котором слабый свет факела едва высвечивал силуэт лучника. Он успел пустить стрелу в третий раз. Но рука дрогнула от предчувствия скорой смерти, и стрела воткнулась в «молоко» далеко от цели, задребезжав в бревне стены.

Раненную Тору занесли в дом. Стрела проткнула грудь насквозь. Её сломали и выдернули из тела девушки. Кровь лилась ручьём.

– Барри, скорее к лекарю беги!

– Не надо! Всё кончено, – рыжая дева взяла холодными руками теплые ладони любимого берсерка, – не терзайся. Мне хорошо. Мне очень хорошо. Я счастлива, что всё так случилось. Я умираю, но при этом рядом ты сидишь. Мечты сбываются. Вернее, уже сбылись. Осталась лишь одна.

Её голос постепенно затихал и Вальдиру приходилось, чтобы услышать, склоняться к ней всё ниже и ниже:

– Какая?

– Поцелуй. Он ни к чему тебя теперь не сможет обязать. Но я с твоим поцелуем на губах этот мир покину. Помоги мне умереть счастливой.

Он не стал заставлять себя уговаривать и поцеловал её в губы.

– Прощай! И отойди в сторонку. Пока есть силы, хочу сказать два слова брату.

Место Вальдира занял Хрёрек:

– Тора! Держись! Сейчас прибудет лекарь.

– Не трать напрасно моё время. Спасибо, что у меня был такой брат, как ты. Я это не ценила. А зря. Теперь уже поздно что-нибудь исправить. Прости меня...

– За что?

– Не перебивай, прошу! В смерти Сольвейг я виновата.

– Ты? Ты наговариваешь...

– Это правда. Я дала Хельги яд, а он с ним Гуннхильд отправил в дом твоей любимой. Служанку мою затем убил Бейгаз и закопал в лесу. Это так было. Прости.

Бледный Хрёрек встал с кровати, сжал кулаки и уперся взглядом в потолок.

– Это была моя идея подослать к Оде ворожею, которая бы ей нагадала Хельги в женихи. Но судьба распорядилась по-другому. Всё не так. Иначе. Запутав всё в клубок. Я много ещё плохого в жизни совершила. Теперь я каюсь и прощения прошу. Прощу тебя мой милый Хрёрек, прости свою сестру. Мне жить осталось два мгновения. Прости!

– Нет, не могу. Такое не прощают.

– Что ж понимаю. Но умираю с надеждой, что ты меня когда-нибудь простишь.

Она закашлялась кровью и по телу побежали предсмертные судороги. Вбежавший лекарь сел уже рядом с телом, испустившим дух.

Мунин, кивая клювом, пробормотал:

– Главное в жизни не каким ты родился, а каким ты

умрёшь.

Глава 9

Узнав, что Хрёрек срочно уехал в Ходово, Хельги пришёл в бешенство. Он понял, что тот туда поехал, чтобы помешать Бейгазу убить берсерка: «Что ж, раз ты поступаешь так со мной, то и я вправе поступить с твоей женой так, как мне заблагорассудится».

Явившись в дом брата, он обнаружил, что спальня Оды закрыта на засов: «Чертовка! Она уже готова к моему визиту». Он позвал своего телохранителя Свейна и приказал ему постучать в дверь её спальни и сказать, что есть срочные известия из Ходово. Тот так и сделал. Уловка удалась: Ода тут же распахнула дверь и Хельги ворвался в комнату. Он бросил жену брата на кровать и сорвал с неё накинутый второпях лёгкий сарафан. Адель не была готова к нападению и отбивалась как могла. Одной рукой она стала искать кинжал, лежащий под подушкой.

– Ты это ищешь, ведьма? – Хельги держал в руке её оружие защиты.

– Убирайся или я закричу.

– Кричи!

Он бросил кинжал на пол и порвал на ней тонкую ночную рубашку:

– О! Как я давно хотел вас лицезреть, эти два холма, дарованные Фрейрой.

Ода закричала:

– Помогите! Все сюда, на помощь.

– Зря надрываешь голос. Мои воины никого не пустят, – он не торопился овладеть Одой, желая растянуть долгожданное удовольствие.

– Ты никого не боишься? – Адель бросала в Хельги всё, что попадалось под руку: подушки, детские бирюльки, ковш с водой, зажженную свечу.

Но это не вредило ярлу, а только разжигало в нём пламя страсти:

– Кого бояться? Твоего мужа? Что он сделает? Он слабый воин и мужик, судя по всему, не очень.

– С чего ты это взял?

– Кто, скажи, из настоящих мужиков поедет спасти любовника супруги? Только безвольный подкаблучник, который не способен противостоять такому воину, как я.

– Я пожалуюсь отцу.

– Твой отец ждёт участи твоей подруги, которая убита по моему приказу. Он стар. Ему давно пора на покой в Асгард в славную Вальхаллу. Что он сделает? Отравит меня так как отравил Хрольва? Брата твоего.

– Ты нагло врешь!

– Не вру. Он меня просил, и по его желанию последнего из твоих братьев я убил. Твой отец теперь у меня в долгу.

– Я знаю того, кто тебе за поругание жестоко отомстит.

– Ха! Вальдир? Так значит, это правда. Ты до сих пор пу-

таешься с ним, нарушив клятву и приказ отца. Но твой любовник на помощь не придёт. Он мёртв.

– Ты лжёшь!

– Не лгу. Но хватит слов. Пора за дело!

Хельги набросился на молодую мать. Словно почувяв недоброе, громко заплакал Харальд. Адель сопротивлялась, как могла – из последних сил. Она разбила ярлу губы и поцарапала лицо. Но сама получила мощный удар кулаком в лоб и на мгновение потеряла способность к противостоянию. Но вожелениям Хельги не суждено было сбыться. Дверь отворилась и спальню озарил свет факелов.

– У-у-у! Кто посмел?! – Хельги соскочил с кровати, завязывая ремень штанов. – Хёрд?

На пороге стоял старый учитель Ивара, а за его спиной два воина с оружием в руках и два – с факелами.

– Что здесь происходит? – вопрос был задан строгим Хёрдом.

– Здесь? – хитрый Хельги сразу же нашёлся. – Насильника в спальне жены своего брата я застал.

– Насильника?

– Да! Это был Вальдир. Хотел он обесчестить Оду, но ему я помешал, вовремя на помощь прибежав.

– Он врёт! – Ода немного очухалась и сидела на кровати, прикрывая остатками ночной рубахи своё нагое тело.

– Не слушайте её. Она не в себе от побоев ярла Хедебю. Он был тут – и вот вам доказательства. – Он показал кровь на

своём лице. – Я выбил из его руки нож. Можете проверить. Вот он на полу. Если помнишь, Хёрд, на турнире в Уппсале в качестве приза ему его вручили.

Хёрд поднял кинжал и прочитал руны на лезвии:

– Вальдир.

– Вот видишь, славный Хёрд, я правду говорю.

– Куда он подевался?

– Кто?

– Вальдир.

– Наверно, убежал. Я не помню точно. Он необычайно ловок, этот наш берсерк, впрочем, как все ученики достойнейшего Бальдра. Я получил удар по голове и потерял сознание, упав в беспамятстве прямо на кровать.

– Угу, – Хёрд усмехнулся, – и от его удара даже ремень на твоих штанах сам собою расстегнулся.

– Не знаю, может быть и так, – Хельги непроизвольно стал ощупывать штаны в районе пояса и чуть ниже. – Возможно, что он, увидев, что я отключился, хотел меня вместо себя подставить. Чтобы отомстить за то, что я помешал ему задуманную гнусность совершить. Это преступление, достойное берсерков, у которых нет ни отца, ни матери, ни совести, ни чести. Мне стыдно, что он, как и я, носит звание ярла.

– Ну, ты и мразь! – Ода качала головой, глядя на Хельги и кусая губы.

– Успокойся, любезная невестка, опасность позади. Теперь всё хорошо. Он больше не вернётся.

Ребёнок продолжал надрываться.

– Покиньте мою спальню! Все! Немедленно!

Хёрд покачал головой в знак понимания того, что ей надо привести себя в порядок и успокоить малыша.

Выйдя за дверь, Хельги спросил:

– Хёрд, ты как здесь оказался? Почему о своём визите меня заранее не предупредил?

– Мы прибыли совсем недавно. Я совсем разбит. Дорога была трудной. По поручению конунга я сюда приехал. Он меня прислал с подарками для внука, чтобы его проведать. И узнать, как вы тут живёте. Я вижу – у вас здесь весело.

– Что ты теперь намерен предпринять?

– Я? Ничего. Побуду здесь три дня и домой вернусь.

– Может не стоит волновать Ивара рассказами об этом.

Он уже не молод и может плохо стать с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.